

Справедливость и гуманизм в уголовном праве России

Н.Г. Иванов ©

Всероссийский государственный университет юстиции,
г. Москва, Россия
E-mail: puasson2008@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению важнейших вопросов нравственности и права, вопросов, составляющих ценностную структуру общественных отношений – справедливости и гуманизму. Справедливость и гуманизм, как общепризнанные добродетели, неоднозначно понимаются и толкуются в литературе, но они представляют собой основополагающие идеи, которые являются фундаментом гармоничного существования людского сообщества. Как основополагающие идеи рассматриваемые в статье добродетели нашли отражение в современном УК РФ в качестве принципов уголовного закона. Какова онтологическая суть установленных в УК принципов, в чем состоит влияние древних истин на формирование семантики «добродетелей уголовного права», в чем состоит погрешность законодателя, сформулировавшего указанные принципиальные положения – суть предлагаемой читателю статьи.

Ключевые слова: справедливость, гуманизм, изменчивость, уголовный закон, этика Аристотеля, этика Платона, принципы права.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов Н.Г. Справедливость и гуманизм в уголовном праве России // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 1. С. 45–52. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-1-45-52

Justice and humanism in Russian Criminal law

N.G. Ivanov ©

Federal State University of Justice (RPA of the Russian Ministry of Justice),
Moscow, Russian Federation
E-mail: puasson2008@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the most important issues of morality and law, issues that make up public relations' value structure - justice and humanism. Justice and humanism as universally recognized virtues are ambiguously understood and interpreted in literature. Still, they are fundamental ideas that are the foundation of the harmonious existence of the human community. As the fundamental ideas of the virtues considered in the article are reflected in the modern Criminal Code of the Russian Federation as the principles of criminal law. What is the ontological essence of the principles established in the Criminal Code, what is the influence of ancient truths on the formation of the semantics of the "virtues of criminal law", what is the error of the legislator who formulated these principles - the essence of the article proposed to the reader.

Key words: justice, humanism, variability, criminal law, the ethics of Aristotle, the ethics of Plato, the principles of law.

FOR CITATION: Ivanov N.G. Justice and humanism in Russian Criminal law // Sociopolitical Sciences. 2021. Т. 11. № 1. С. 45–52. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-1-45-52

ВВЕДЕНИЕ

Исторический анекдот, почерпнутый, насколько я помню, из Геродота: на вопрос миссионера готтентоту о том, знает ли он различие между добром и злом, последний ответил: «Конечно. Добро – это когда я украду чужой скот и чужих жен, а зло – когда у меня украдут». Оригинальная трактовка добра и зла, которая соответствует исторической ментальности этнической группы, не менявшейся с конца II века до н.э. Эта застывшая во времени оригинальность не характерна для исторического процесса, отличающегося повторяемой изменчивостью¹. И, тем не менее, она показывает своеобразие взглядов первобытного человека на важнейшие вопросы всех времен и народов – что такое справедливость, либерализм, гуманизм. С тех давних пор ничего не изменилось в нравственных потенциях человека, за исключением вариаций. Кроме того, зло – это как раз то, чему призваны противостоять указанные в названии статьи добродетели, воплощающие собой добро.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Справедливость переводится с латыни: как «правильно вести» или правильное состояние вещей, или просто правота. Это смысловое значение справедливости нашло отражение практически во всех энциклопедических изданиях с определенными, разумеется, субъективными нюансами, не затрагивающими, однако, смысла семантической единицы. Так, в философской энциклопедии права справедливость представляется как сумма всех добродетелей вообще, воплощающая в себе уважение к другой личности [Философский энциклопедический словарь, 1997: 1]; в атеистическом словаре справедливость определяется как принцип, включающий в себя представления о должном [Атеистический словарь, 1985: 2], и т.д. В.А. Бачинин не определился четко в понимании справедливости, но, исходя из интерпретации им мифологем (Фемида и ее статус), можно понять, что он присоединяется к позиции древнегреческих философов о беспристрастности благ и наказаний, которые должна воздавать Богиня [Бачинин, 2006: 5], исповедуя божественную теорию справедливости, т.е. выводит справедливость из естественно-правовых взглядов.

Значение долженствования распределения наград и кар объединяет практически всех участников социально-правовых дискуссий на тему справедливости от древности до наших дней, и все же необходимо отметить, что современное понимание справедливости, как в философских дискуссиях, так и в праве, имеет фундамент в виде воззрений Платона и Аристотеля, определивших онтологический смысл исследуемой добродетели и представив ее как «сумму всех добродетелей».

Платон в диалоге «Государство» определяет справедливость через отношение государства, т.е. его главы к подданным. Философ не делает акцента на индивидуальной этике, а обращается к этике глобальной, полагая, что именно государственное отношение к своим гражданам может быть индикатором или универсалией справедливости. Индивидуальная этика слишком разнообразна и в своей разнообразной масштабности вряд ли способна стать мерилем добродетели или всеобщей ценности. А вот в государственном масштабе мера справедливости универсальна, что может служить эталоном справедливого отношения.

С утверждением Фрасимаха о том, что во всех государствах справедливым признается только то, «что пригодно

существующей власти» [Платон, 1994: 94], Сократ соглашается, но с важной оговоркой, согласно которой пригодно для определения справедливости следует считать только те блага, которые власть предоставляет гражданам [Платон, 1994: 6]. Таким образом, по убеждению Платона, который, однако, воображал идеальное государство и в этих пределах рефлексировал, именно государство является общепризнанной формой справедливости. Не справедливость, как некая абстракция, должна занимать умы исследователей, а государственная справедливость, как категория объективная, лишенная масштабных субъективных пристрастий. В отношении государства к своим подданным заключено истинное основание справедливости (или несправедливости). В таком понимании справедливости, благодаря которому Платон предлагает универсалию или эталон, прослеживается тенденция воздаяния, которая, впрочем, постоянно сопровождает идею справедливости и как этическую парадигму, и как правовой принцип.

В диалоге «Государство» обращает на себя внимание эпизод, в котором Фрасимах отстаивает свою позицию о праве обладания справедливостью только сильнейшим, даже в ущерб гражданам. Этот эпизод интересен своим современным звучанием, что свидетельствует о преемственности исторических сюжетов. Фрасимах говорил: «Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим позором. Такие частичные нарушители называются, смотря по виду своих злодеяний, то святотатцами, то похитителями рабов, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Если же кто, мало того, что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, его вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благоденствующим, и не только его соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость» [Платон, 1994: 6], утверждая, что в сущности несправедливость сильнее справедливости и в руках власть имущих превращается в справедливость. Действительно, возвращаясь к современности, лучше украсть миллиард (дело оборонсервиса), так как за кражу бутылки водки можно угодить за решетку.

Аристотель определял справедливость в сущности по образцу своего учителя Платона, исходя из того положения, что справедливость заключается в исполнении законоустановлений. В Большой этике Аристотель утверждает, что задачей гражданина является неуклонное соблюдение требований закона [Аристотель, 1983: 7]. А такое положение возможно только в рамках государства, которое и издает законоустановления. Вместе с тем, философ отмечает, что справедливость должна быть пропорциональна, она «есть некая середина между противоположными страстями» [Аристотель, 1983: 7], придавая справедливости уже субъективные моменты. Развивая дальше свои суждения о справедливости, Аристотель предлагает ее градацию, которая не потеряла значения и в сегодняшней действительности. Философ выделяет в Никомаховой этике два вида справедливости, которую он именует правосудностью, – распределительную, иначе называемую как воздающая, или дистрибутивная, и уравнительную, которая также имеет иные наименования – направительная или коммутативная. Первый вид правосудности предполагает, что блага должны распределяться с учетом личного вклада каждого [Аристотель, 1983: 7]. Для юриспруденции это означает учет степени участия гражданина в совершении деликта и постделиктное поведение. Второй вид аристотелевской справедливости уравнивает граждан перед благами, не учитывает вклада каждого, но оценивает равенство всех. Этот вид справедливости характерен для принципа «перед законом все равны».

Платона и Аристотеля в их определениях справедливости объединяет один общий алгоритм – алгоритм

¹ В смысле философских традиций древнегреческих мыслителей, определивших современное понимание исторических процессов. Марк Аврелий говорил: «Жизнь есть бесконечное повторение: тот, кто видел сегодняшний день, видел вечность» – Марк Аврелий. Размышления. Магнитогорск: «АМРИТА-УРАЛ», 1994. С. LXXVII.

должного. Именно этот алгоритм содержится и в определениях справедливости другими выдающимися исследователями древнего мира, мнения которых не потеряли актуальности и сейчас. Так, Гельвеций считал, что справедливость – «это нарушение некоторого закона. Значит, до закона не существует справедливости» [Гельвеций, 2004: 8]. Даже те мыслители, которые сводили справедливость не к позитивному закону, а к закону естественному, не пренебрегли, а, напротив, возводили должное в абсолют, поскольку в должном содержится императив нравственного порядка, которому и необходимо подчиняться. Кант довел этот естественно-правовой императив до надлежащего финала, утверждая, что «строжайшее право – это величайшая несправедливость... но на пути права этому злу ничем помочь нельзя, ... потому что справедливость относится только к суду совести» [Кант, 1965: 9].

Эссе о мнениях древних мыслителей о феномене «справедливость» призвано показать, что алгоритмом справедливости является в большей мере моральная «сторона вопроса» даже тогда, когда справедливость выводилась из государственного принуждения. Платон, ярый сторонник такой трактовки справедливости, исходил из идеального государства, которое строится на принципах естественного права, иначе оно попросту не может быть идеальным. Все остальные толковали о справедливости в таком же ключе, считая несправедливым причинение гражданам незаслуженных неудобств.

Е.Н. Трубецкой подытожил, как мне представляется, рассуждения философов и юристов, стремящихся найти единый алгоритм справедливости. Утверждая, что «всякий внешний авторитет может иметь силу лишь до тех пор, пока люди убеждены в необходимости ему подчиняться» [Трубецкой, 1999: 10], он пришел к выводу о том, что «естественное право есть синоним нравственно-должного в праве» [Трубецкой, 1999: 10], а значит, соблюдение и следование этому императиву и есть справедливость. То же утверждают и современные авторы [Штраус, 2007: 11]. Таким образом, справедливость выводится из отношения государства к своим гражданам, которым оно должно давать права и наделять обязанностями в равной мере и в равной же мере спрашивать за соответствующие нарушения. Наделение правами и обязанностями и угроза карой за их нарушения подчиняются, следовательно, уравнивающей справедливости, а вот в определении меры прав, обязанностей и кары вторгается справедливость распределительная. Но вот что возникает в когнитивной нише исследователя, когда он начинает рефлексировать по поводу аристотелевых видов справедливости. Справедливость есть мера должного, и это, пожалуй, очевидный критерий, по которому добродетель может быть измерена. Эта мера должного подразделяется на распределительную и уравнивательную. Это тоже понятно и объяснимо. Но, во-первых, кто определяет меру должного и должное вообще, и, во-вторых, если мы принимаем за истину тот факт, что справедливость подлежит градуации (распределительная и уравнивающая), тогда можно предположить, в соответствии с логическими связями, что градуация может быть продолжена. Но в таком случае мы будем уходить от единого знаменателя, который необходим для выработки универсального определения. В конце концов, в чем же смысл единой, универсальной справедливости? Однако прежде, чем мы разберемся в этих вопросах (или попытаемся в них разобраться), посмотрим, как справедливость понимается в рамках уголовного права.

Принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ, относится только к наказанию. Не к возмездию или воздаянию, как масштабному распределению благ, не к законотворчеству или квалификации преступлений, а именно к наказанию. При этом законодатель в ст. 6 УК РФ предусмотрел «наказательную» справедливость в пределах

аристотелевского ее понимания – и как уравнивающую, и как распределительную. Как уравнивающая, справедливость в данной статье предстает имплицитно: смысловой ее оттенок заключается в ее очевидном понимании обязательности наказания для всех, кто совершил преступление. Как распределяющая, справедливость явно проявляется в законодательном императиве соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Что очевидно в определении справедливости как принципа современного УК РФ? Во-первых, очевидным является то обстоятельство, что этот принцип усечен не только в отношении отражения в нем моральных парадигм, но и в отношении исключительно правовых целей. Говоря о моральных парадигмах, я специально делаю упор на некоем идеале, к которому стремились древние идеалисты, и которого стремятся достичь современные российские и западные утописты. Этот идеал заключается в максимальном насыщении правовых норм моральными постулатами. А уж принцип справедливости, ведущий свое начало именно из этой нравственной ниши, должен обладать всеми свойствами последней в максимальной мере. Это невозможно, поскольку этика столь масштабна, что право не в состоянии вместить все ее постулаты. В этой связи автор полностью разделяет позицию Г. Еллинека о том, что право – ни что иное, как этический минимум [Еллинек, 1910: 12]. И все же в принципах должна отражаться основополагающая и руководящая идея, что, относительно принципа справедливости, означает: максимально возможное для права насыщение принципа справедливости моральными признаками. А в ст. 6 УК РФ, повторяю, – только о наказании. Но и это еще не все в пределах обозначенного нами первого пункта критики.

Справедливость ст. 6 УК РФ обращена только к лицу, виновному в совершении преступления. Но право имеет дело и с потерпевшим, уголовное право – тем более. Тем не менее, принцип справедливости потерпевшего вообще никак не затрагивает, не обращает на него внимания, создавая иллюзию безразличного к нему отношения. Конечно, вслед за древними и современными авторитетами правовых учений автор также считает, что справедливость – всеобъемлющее свойство права, сумма всех добродетелей. В таком контексте остальные принципы уголовного права следует рассматривать как виды справедливости. Но если внимательно посмотреть на установленные в УК РФ принципы, то к потерпевшему можно отнести только часть принципа гуманизма, да и то с известной натяжкой или, вернее, с известным сарказмом, учитывающим сущее положение вещей.

Современные представители уголовно-правовой доктрины, понимая, что законодательное определение справедливости страдает компрометирующим принципом омушенности, предлагали варианты ее рассмотрения, дабы насытить принцип недостающими компонентами. Так, А.И. Коробеев, стараясь показать, что уголовно-правовой принцип справедливости насыщен моральными-ценностями, писал: «В соответствии с идеей справедливости устанавливаются в законе уголовно-правовые запреты, которые в негативной форме определяют обязательные для всех правила поведения и допустимые его границы. Отсюда, например, синоним слова «справедливый» является «правый», а понятие «справедливость» эквивалентно термину «правосудие». Справедливость, следовательно, служит тем звеном, которое соединяет право с моралью» [Российское уголовное право, 1999: 13]. Здесь ощущаются оттенки аристотелевского желания представить справедливость в виде правосудности, но за пределы идеала это мнение никак не выходит.

Кладков А.В. пишет о том, что принцип справедливости реализуется при криминализации и декриминализации; пенализации, депенализации; типологизации

преступлений и включения их в раздел или главу УК; решения вопросов привлечения к уголовной ответственности и освобождению от нее; назначении наказания и освобождении от его отбывания [Кладков, 2003: 14]. И тому подобные суждения. Однако ничего похожего в принципе справедливости нет, а авторы рассуждают не о принципе справедливости, а об идее справедливости. Я не намерен критиковать авторов, пытающихся реабилитировать законодательно установленный принцип. Напротив, я полностью поддерживаю здравую идею, основанную на моральных постулатах. Однако это все идеал, а закон и практика оперируют сущим.

Во-вторых, очевидным является то обстоятельство, что законодатель никуда не ушел от платоновского критерия справедливости только через государство. Этот факт подтверждается, естественно, законодательно, поскольку наказание может назначать только государство в лице суда и доктринально. В доктрине это утверждение выглядит, правда, несколько противоречиво, но суть передает: «Критерием или своеобразным мерилем того, что является справедливым, здесь выступают не интересы конкретной личности, а интересы всего общества и государства, а уже через них – интересы этой личности» [Уголовное право, 2016: 15]. Разумеется, справедливость не может сводиться к позиции готтентота как крайнего индивидуалиста, поскольку в таком случае, в силу ее масштабности, которая определяется каждым элементом массы предпочтений, мы не сможем выработать единого ее критерия. Но, с другой стороны, выставляя в качестве критерия универсальной справедливости государство, мы вынуждены одновременно с этим констатировать, что справедливость в таком случае – явление исключительно «местечковое», поскольку в каждом государстве свои представления о справедливости. Например, древняя Спарта считалась образцом справедливости, нормы которой установил Ликург. В частности, справедливым почиталось вмешательство в личную жизнь спартанцев, а дабы воспитать нравственно и физически сильных граждан, детей забирали из семьи и воспитывали в специальных полисных заведениях. Справедливыми считались самые строгие наказания. Напротив, Солон в Афинах, когда пришел к власти, отменил жестокие наказания Драконта, считая справедливым не жестокость, а милосердие. Все зависит от многих обстоятельств, сопутствующих государственному развитию, включая географическое расположение общины. Поэтому такой критерий, как государственное отношение к гражданам, без дополнительных признаков не может быть приемлем в качестве единого. Нужен другой эталон. Может быть, таким критерием следует признать должное, о котором при определении добродетели говорили философы? Но тогда вопрос остается прежним: а судьи кто? Вновь мы вынуждены будем возвратиться к государству, но не к идеальному платоновскому его типу, а к существующим государственным образованиям с их представлениями о справедливости и, разумеется, о должном. И все недоумения закрутятся вновь. Более того, отстаивая идею или принцип справедливости, понимаемой по-своему, адепты делают все необходимое, пускай даже излишнее, а иногда и радикальное, чтобы их мнение восторжествовало. Позиция адептов понятна, поскольку без наличия справедливости государство, по мнению Блаженного Августина, превращается в разбойничью шайку [Августин Блаженный, 1998: 16]. Но методы достижения справедливости ради блага граждан «восхитительны» (от слова «восхищать», т.е. приводить в восторг). Кальвин, один из виднейших деятелей Реформации, считал, например, что ради достижения справедливости «надо делать добро людям

вопреки их воле» [Бачинин, 2014: 17], иезуит Лойола считал также, впервые провозгласив тезис: «Цель оправдывает средства»; Белинский разделял те же взгляды, утверждая: «Если для утверждения социальности нужна тысяча голов – я требую тысячи голов» [Что дала октябрьская революция, 2018: 18]; Робеспьер настаивал на том, что: «Террор есть ничто иное, как быстрая, строгая и непреклонная справедливость» [Неподкупный, 2019: 19], а Пестель считал, справедливым депортацию из России евреев и цыган, не желающих креститься [Как могла сложиться история, 2019: 20]. Если государство провозглашает понимаемую по-своему справедливость, то таковая будет внедряться в сознание и поступки граждан чаще всего насильственными методами, методами принуждения. Например, справедливое законодательство современной России – нижние пределы наказаний (например, отсутствия нижнего предела наказания за причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть, и т.п.), уголовная ответственность за нарушение политического режима, выгодного власти (ст.ст. 207.1, 207.2 УК РФ), и т.д. На это возможна только доктринальная критика, и ничего более, учитывая императивность, непрекаемость суждений демиурга о надлежащей справедливости, и властные отношения к активной критической позиции.

В данном контексте определенный интерес представляет формула ч. 2 ст. 43 УК РФ, которая определяет наказание как средство для восстановления социальной справедливости. Социальная справедливость – это справедливость социума, который понимается как все то, что связано с совместной жизнью людей. Именно это и определяется государством. То есть социальная справедливость вновь сводится к государственным решениям и мнениям.

Разумеется, мнения о справедливости меняются в зависимости от исторического периода бытийного переживания. Однако в любом случае с неизбежностью действует постулат крестоносцев: чья власть, того и вера. В этом постулате заключена метафизическая составляющая добродетели, существующей во времени, которая, однако, не способна выработать единый критерий справедливости. У каждого временного отрезка он всегда свой (хотя все в этом мире повторяется – книга Екклесиаста). А возможен ли вообще универсалий справедливости с учетом универсальной сентенции Монтеня о том, что «Век, в который мы с вами живем, по крайней мере под нашими небесами, – настолько свинцовый, что не только сама добродетель, но даже понятие о ней – вещь неведомая»? [Монтень, 2015: 21]². Возможен, считают исследователи, и к этому мнению присоединяется и автор. Другое дело, что насыщенность признаками в различных авторских интерпретациях различна. Представители естественного права убеждены, что таковым критерием является соответственно естественное право, основанное на нравственных кондициях. По сути дела, это право нравственности. Так, Лео Штраус убежден, что единственным критерием справедливости права вообще являются естественно-правовые отношения [Штраус, 2007: 11]. Напротив, представители позитивного направления считают, что справедливость определяется строгим соблюдением закона. К таким представителям относился Сократ, который принял смерть ради того, чтобы его не обвинили в пренебрежении законом. К таким представителям относятся и современные авторы. Так, например, Н.А. Беляев писал, что «принцип справедливости проявляется, прежде всего, в законодательстве» [Уголовное право, 1992: 22]. Интересно, однако, вот что. Утверждая позитивистские моменты в определении принципа справедливости, исследователи не смогли удержаться от естественно-правовых компонентов, волю или неволью признавая в этой добродетели основания нравственности, поскольку в процессе рассуждений о законе, в неукоснительном применении которого

² Дон Бартело из Севильского цирюльника Бомарше восклицал: «Справедливость! Это вы между собой, холопы, толкуйте о справедливости! А я – ваш хозяин, следовательно, я всегда прав».

заключается справедливость, авторы вовсе не возражают против того тезиса, что закон должен быть обоснован, как минимум, социальной приемлемостью. Таким образом, видимо, все же можно констатировать, что универсалией справедливости следует считать естественно правовой компонент, понимаемый, в свою очередь, как справедливость, основанную на природе человека и не зависимую от общественных процессов. Это всеобщие и неизменные правила поведения, которые и почитаются нравственными, поскольку приемлемы обществом. И главным из этих правил является золотое правило: поступай с другим так, как ты бы хотел, чтобы поступали с тобой. Это правило распространяется на все сферы жизнедеятельности общества, на все нюансы взаимоотношений людей. В современном УК РФ оно нашло выражение в системе воздаяния, поскольку направлено именно на это.

Я уже заметил, что принцип справедливости ст. 6 УК РФ усечен и требует новеллизации. Но, тем не менее, золотое правило отражено и в нем тем, что устанавливает нравственную константу, обращенную к «злодею» и предполагающую, с одной стороны, – талион, а с другой, – коммутативность (по Аристотелю). Схема талиона выражается в принципе справедливости неизбежностью применения возмездия за совершение преступления (наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление...). И это, несомненно, справедливо, ибо «какой мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Матф. 7:2).

Коммутативность находит выражение в распределении меры воздаяния в зависимости от различных объективно-субъективных обстоятельств. И это тоже справедливо, ибо «да воздаст Господь каждому по правде его и по истине его» (1 Цар. 26:23). Я здесь привожу Библейские сентенции только лишь потому, что в Библии заключены все основные нравственные потенции человека или, лучше сказать, – нравственные императивы, суждения и упования, предназначенные для земного существования человека. Но в этом сюжете вновь возникает вопрос, который не связан с императивом золотого правила, а связан с авторством его насыщенности. А именно: что необходимо учитывать при распределении меры воздаяния конкретно и кто определяет эту необходимость? Ведь обстоятельства, характеризующие, в частности, личность виновного, могут восприниматься неодинаково, хотя автором такого распределительного сюжета является государство. Поэтому, чтобы создать единый критерий принципа справедливости, сформировать его метафизическое основание, необходимо воспользоваться, как мне представляется, оправдавшим себя исторически принципом *consensus patrum* – согласие святых отцов в вопросах веры, принцип, всегда помогавший достичь консенсуса в сложных вопросах литургии. По сути дела, это принцип конвенциональности. Давайте договоримся: справедливо учитывать в процессе правоприменения только то, что способно принести благо человеку и обществу даже в том случае, если это благо предвзвешается определенной мерой боли. Врач, в конце концов, причиняет боль для того, чтобы больной выздоровел. В этом контексте я полностью солидарен с мнением Энрико Ферри, предложившего рассматривать уголовное правосудие с позиций «предохранительной клиники» [Ферри, 2016: 23], в рамках которой можно достичь торжества справедливости. Исключительное отношение возможно только тогда, когда лекарство не в состоянии оказать помощь.

Что принесет благо преступнику – упрек с той мерой негатива, которая соответствует объективным признакам деяния и субъективной направленности виновного? Что принесет благо потерпевшему – удовлетворение его надежд на государственную защиту? Что принесет пользу государству – спокойствие, которое будет обеспечено воспитательным воздействием наказания и удовлетворением притязаний потерпевшего?

Резюмируя изложенное, рискну предложить формулу справедливости, приемлемую для права, уголовного права, в частности. Справедливость в праве, уголовном праве, в частности, – это мера должного, отмеряемая государством на основе золотого правила.

Все изложенное по поводу принципа справедливости и его характеристики относится, разумеется, не только к позиции воздаяния, которая заключена в рамках ст. 6 УК РФ, но и к тем компонентам, кои не нашли отражения в принципе справедливости российского уголовного законодательства и, прежде всего, к участи потерпевшего.

Я прекрасно понимаю, что представленные здесь суждения могут вызвать те же вопросы из разряда «а судьи кто», которые уже были поставлены в надлежащем контексте. Но, во-первых, перед тем, как задаться вопросом, необходимо проникнуться онтологией тех вероятностей, о которых шла речь в предложенном материале. Во-вторых, абсолютной истины достичь невозможно, поэтому следует иметь в виду, что любое суждение содержит в себе неизбежную долю исследовательских погрешностей. Плохо только, когда эта доля велика непропорционально гипотезе.

Заклячая рассуждения о принципе справедливости, в качестве яркой иллюстрации истинного воплощения этого принципа в жизнь, считаю целесообразным привести эпизод из рассказа Н.С. Лескова: «Мелочи архиерейской жизни», свидетельствующей о возвышенности и одновременно простоте, заключенной в справедливом отношении: дети залезли в сад архиерея и стали воровать груши. Архиерей, в ответ на возмущение окружающих, указал на ненужность строгого осуждения ребятишек, предпочитая называть их проступок баловством. Н.С. Лесков так описывает эту мизансцену: «превосходный старец покрывал своею превосходною доброю ребячьей баловством, которое любой педагог и моралист не усумнились бы теперь назвать воровством» [Лесков, 1981: 24].

О ГУМАНИЗМЕ

Поскольку автор утверждал, что справедливость есть мера всех добродетелей, постольку, продолжая логически эту мысль, гуманизм является видом справедливости, черпая из нее основополагающие характеристики. Гуманизм, таким образом, есть мера должного уважения и любви к человеку, отмеряемая государством на основе золотого правила.

Humanus или гуманизм переводится с латыни как человеческий. Это означает, что гуманизм требует уважительного отношения к личности, вне зависимости от ее заслуг и прегрешений. В философской литературе гуманизм рассматривается в единстве этики и права, но права естественного, которое является фундаментом положительных правовых установлений. И в этом двуедином качестве гуманизм определяет человека как абсолютную ценность.

Онтологическую суть гуманизма на века определил Протагор в своей сентенции: «Человек есть мера всех вещей». В этой сентенции как раз и заложена идея человека как абсолютной ценности, на которую должны ориентироваться все потуги государства. И в этом определении едины представители всех культурно-исторических форм гуманизма: античной, средневековой, ренессанса, нового времени. Кант, позаимствовав у Протагора сущностную характеристику гуманизма, повторил сентенцию древнегреческого философа, расширив и снабдив ее дополнительными признаками, определив дальнейшие рассуждения на тему этой добродетели: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Асмус, 1983: 25]. Эта формула воплощает в себе религиозные императивы,

выработанные на протяжении всего исторического времени развития человечества.

Строго говоря, рассуждая о гуманизме, мы не можем покинуть сферу сакрального, в которой гуманизм обретает все те сущностные черты, которые вложили в него философы и юристы. Не можем мы покинуть сферу сакрального только потому, что в противном случае гуманизм может превратиться в цинизм. Такое превращение хорошо представлено у Ницше: «Бог умер, можно делать все, что угодно». Все дело в том, что человек, становясь мерой всех вещей, становится, по логике антропоцентризма, подобным Богу, замещает Бога, а коль скоро Бог умер, тогда человек и есть Бог, которому все дозволено. Эта опасность понимания гуманизма преодолевается Божьим подобием, и только. Человек не Бог, а лишь его подобие, которому не совершить Божественного подвига кенозиса (уничтожение Христа через вочеловечивание и восприятия креста). Человек рожден во грехе, но являясь подобием Божьим, наделен всеми необходимыми достоинствами, требующими гуманного к нему отношения.

Если саркастически воспринять идею сакральности в принципе гуманизма, тогда будет затруднительно объяснить суть гуманизма, провозглашающего личность священной; невозможно будет выбрать универсалий из всех тех оттенков гуманизма, которые представлены в современных рефлексиях философов и юристов, оригинально толкующих человечность в пределах правил, формирующих соответствующие оттенки. А такой универсалий необходим хотя бы для того, чтобы провозгласить торжество единого понимания исповедуемого принципа, что архиважно в правоприменительной практике, основанной на единстве применения нормативных установок.

В современном мировом пространстве литературных изысканий представлены три основных течения гуманизма. Это гуманизм либеральный, социалистический и эволюционный. Кредо либерального гуманизма – защита человека, его природы, которая является священной, от любого насилия. Заповеди либерального гуманизма воплощаются в правах человека, как основном статусе личности, среди которых свобода личности является основополагающей ценностью.

Основываясь на императивах защиты свободной личности от какого-либо насилия, либеральные гуманисты выступают, в частности, за неприемлемость смертной казни в качестве наказания, но в то же время не считают антигуманным убивать своих граждан, посылая их на войну для защиты чужих интересов, демонстрируя таким образом ханжескую форму благочестия.

Святость человеческой личности, вне зависимости от меры ее греховности, составляет фундамент либерального гуманизма, благодаря чему представители этого течения с одинаковой человечностью относятся и к убийце, и к благородному рыцарю, защищающему добродетель. В этом контексте явно проявляется сакральная суть гуманизма, потому что без веры в Бога трудно доказать святость человеческой личности.

Социалистический гуманизм ориентируется не на личность, а на общность. Если либеральные гуманисты отстаивали свободу каждой отдельной личности, то социалистический гуманизм стремится не к свободе, а к равенству, защищая коллективные интересы, которые и обладают статусом священных. Для социалистических гуманистов принцип равенства всех перед законом является определяющим.

Особое место среди гуманистических направлений занимает эволюционный гуманизм, который не ориентируется на монотеистические учения о человеке как высшей ценности и равенстве всех перед высшим судьей. В качестве своей основы эволюционный гуманизм взял теорию эволюции Дарвина. Эта разновидность гуманизма блестяще проиллюстрирована в философии сверхчеловека

Ницше и в идеологии нацистов. Главной задачей эволюционные гуманисты провозгласили защиту человечества от вырождения и достижения эволюционного прогресса человека. Строго следуя логике Дарвина, эволюционные гуманисты считают, что естественный отбор необходим для того, чтобы отмести ущербные человеческие экземпляры, способные причинять вред гораздо чаще особым человеческих представителей, которые должны порождать себе подобных. Эволюционный гуманизм не выступал против человечества и человека, а, напротив, предлагал варианты улучшения человеческой породы, восхищаясь *homo sapiens* и уповая на эволюционную парадигму, согласно которой эволюцией движет не сходство, а различия. Необходимо заметить, что элементы эволюционного гуманизма все чаще стали занимать исследовательские умы, проявляясь, в частности, в исследованиях криминалистов, занимающихся биологическими детерминантами девиантного поведения. Так, Дж. Филип Раштон, ссылаясь на проведенные исследования, пишет: «...чернокожие несоизмеримо чаще совершают преступления насильственного характера, чем белые...; чернокожие намного больше склонны к насилию, чем белые, как мужчины, так и женщины».

Выявленный в США расовый профиль преступности обнаруживается по всему миру. Рассматриваемые в этой книге ежегодные отчеты ИНТЕРПОЛа за 1980-е гг. свидетельствуют о том, что уровень насильственных преступлений (убийства, изнасилования и нанесение тяжелых телесных повреждений) намного выше в странах Африки и Карибского бассейна, чем в странах Восточной Азии» [Раштон, 2018: 26]. В современном УК РФ принцип гуманизма ориентирован, как уже было отмечено, главным образом на «злодея» и частично – на потерпевшего. Главный акцент на «злодея» проявляется в том, что именно ему посвящены обе части ст. 7 УК РФ, а потерпевший довольствуется только фрагментом абстракции части первой, поскольку часть первая ст. 7 УК РФ ориентирована и на виновного, и на потерпевшего.

Статья 7 УК РФ в целом построена по лекалу либерального гуманизма, так как направлена на проявление уважения и заботы к конкретному человеку, что семантически отражено в формулировке первой и второй части. Вместе с тем, в принципе гуманизма, который является видом справедливости, можно выявить и черты других гуманистических толков, с учетом взаимосвязанности принципов и их следования из этики справедливости. В принципе гуманизма ст. 7 УК РФ можно обнаружить черты социалистического гуманизма, учитывая, что перед законом все равны, следовательно, все должны быть равны и перед необходимостью обеспечения безопасности, как национальной, так и экономической [Восканиан, 2019: 27]. Всем гражданам должна быть предоставлена эта привилегия. Более того, при системном анализе норм Общей части УК РФ оказывается, что принцип гуманизма ст. 7 УК РФ имеет и характер эволюционного гуманизма. Так, ст. 41 УК РФ предполагает причинение вреда человеку при обоснованном риске. Получается, что можно принести в жертву личность ради достижения выгодной и, быть может, полезной цели (идеи сверхчеловека, который может жертвовать менее достойными); возможности освобождения от уголовной ответственности по основаниям ст.ст. 75, 76, 76.2 УК РФ, которые связаны с усмотрением правоприменителя, вне зависимости от фактического выполнения субъектом указанных в законе условий, и т.п. Как же в таких ситуациях, особенно при обоснованном риске, обеспечить безопасность человека, которую законодатель в одном случае просто игнорирует (ст. 41 УК РФ), а в других ставит в рамки неопределенности (ст. 75 УК РФ и др.)?

К великому сожалению, приходится констатировать, что принцип гуманизма нещадно эксплуатируется политиками и законотворцами ради достижения собственных или групповых (клановых) амбиций. Прекрасный тезис – все

ради человека и человечности. Однако, как известно, дорога в ад вымощена именно благими намерениями. Провозглашая тезис гуманизма и скрываясь под его омофором, можно делать все, что угодно, особенно тогда, когда такое позволяет делать должностная тога. Римские императоры (Калигула, Нерон) – блестящие тому примеры.

Омофор гуманизма постоянно востребован российскими законотворцами для реализации амбициозных целей, которые не соответствуют ожиданиям граждан, нарушают принципиальные основы формирования правовой отрасли, дискредитируют назначение правоустановлений. Так, практически все предложения о новеллизации уголовного закона сопровождаются рефреном «гуманизм», который должен развиваться в рамках уголовного права. В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» (постановление пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24) предложено такой аргумент: «... необходимы дальнейшие меры по гуманизации уголовного законодательства». Но вот парадокс: уголовное законодательство – максимально репрессивное законодательство. Конечно, оно, как и другие отрасли законодательства, должно содержать константы гуманизма, но не беспредельно. Если превышена мера гуманизма в рамках репрессии, тогда о какой репрессии можно толковать? Фраза «дальнейшие меры» по гуманизации уголовного законодательства, которые превращаются в некое перманентное состояние, абсурдна главным образом потому, что не сочетается с необходимой для уголовного закона репрессивностью. Кроме того, дальнейшая гуманизация уголовного законодательства предполагает, что нынешний УК – это УК Драконта, что это какой-то кошмар и ужас, который необходимо постоянно очеловечивать. Но тогда, может быть, стоит вообще отказаться от УК и пойти по пути социальной защиты, организовав клиники вместо тюрем. Между тем уголовный закон, позволив себе такой афоризм, предназначен для страха (принцип психологического принуждения). В этом контексте актуальными мне представляются философские размышления великого итальянского гуманиста Петрарки, писавшего: «Конечно, жестокость – вещь опасная и противная человеческой природе, но страх, откуда бы он ни исходил, – это полезная узда для искоренения пороков и

укрощения распутившегося народа» [Петрарка, 2016: 28]. Мысль Петрарки далеко не нова. Так, уже в старом Завете страх показывается как необходимое условие воздаяния: «Путь Господень – твердыня для непорочных и страх делающих беззаконие» (Притч. 10:29). К такому же мнению приходили и русские мыслители, даже не сопрягая порой страх с эсхатологическими грезами. Так, Герцен к исходу жизни задает вопросом: если произойдет революция, будет установлен новый строй – станет ли лучше? Потому что свободу может воспринять только свободная личность. А массам нужны благополучие и законность. Кстати, когда помещик Николай Платонович Огарев объявил крестьянам волю, они упали на колени и умоляли не делать этого. Социологический опрос российских современников подтверждает тезисы, покрытые почтенной завесой седой старины. Так, выяснилось, что более 70% опрошенных россиян готовы пренебречь демократией ради порядка в стране. Так и хочется воскликнуть вслед за героями Водолазкина: «Вот и весь гуманизм!».

В контексте страха, составляющего онтологическую суть уголовного закона, в котором непременно должна присутствовать доля гуманизма, позволю себе дополнить предложенную ранее формулу гуманизма определением, которое поможет максимально раскрыть суть явления: гуманизм – социально приемлемое умение управлять страхом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гуманизация, а тем более дальнейшая, нужна только тогда, когда граждане подготовлены к соответствующим отношениям в своих, главным образом, нравственных потенциях и когда позволяет обстановка. Ничего подобного в России нет и когда будет – неизвестно. Поэтому возникает вопрос: *cui prodest* (кому выгодно)? Кому выгодно устанавливать минимальные наказания за максимально опасные преступления (ч. 4 ст. 111 УК РФ и т.п.), вводить уникальные возможности освобождения от уголовной ответственности за приносящие колоссальную прибыль экономические преступления и формулировать эти составы по лекалу проступков, вводить в рамки УК составы, которые не могут быть преступлениями в силу отсутствия деяния и т.д. Впрочем, ссылка на гуманизм и, естественно, на справедливость, способна все оправдать. Очень удобно для легализации фантазмагорий и лоббистских атак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 435 с.
2. Атеистический словарь. М.: Политиздат, 1985. 423 с.
3. Нарская Е. Герцен: забвение и актуальность // Знание – сила. 2020. № 5. С. 62.
4. Выжutowич В. Стабильность выросла в цене // Российская газета. 2020. 04 сент.
5. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 867 с.
6. Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 94.
7. Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 324 с.
8. Гельвеций Г. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 2004. С. 154.
9. Кант И. Соч. в 6-и томах. Т. 4. ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 144.
10. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1999. 66 с.
11. Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей, 2007. С. 8.
12. Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М.: Т-во Печатня С.П. Яковлева, 1910. С. 48.
13. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Преступление / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 78–79.
14. Кладков А.В. Реализация принципа справедливости в уголовном праве: сборник статей по материалам 11 международной научно-практической конференции «Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы». М.: ЛексЭст, 2003. 117 с.
15. Уголовное право. Общая часть. Академический курс в 10 томах. Т. 2. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 498 с.

REFERENCES

1. Philosophical encyclopedic dictionary. M.: INFRA-M, 1997. 435 p.
2. Atheistic dictionary. M., 1985. 423 p.
3. *Narskaya E. Herzen: oblivion and relevance // Knowledge is power. 2020. № 5. P. 62.*
4. *Vyzhutovich V. Stability has increased in value // A Russian newspaper. 2020. 04 sept.*
5. *Bachinin V.A. Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. Spb.: Legal Center Press, 2006. 867 p.*
6. *Plato. A collection of essays in four volumes. T. 3. M.: Thought, 1994. P. 94.*
7. *Aristotle. Works in 4 t. T. 4. M.: Thought, 1983. 324 p.*
8. *Helvetius. Op. In two volumes. T. 2. M.: Thought, 1974. P. 154.*
9. *Kant I. Op. in six volumes. T. 4. t. 2. M., 1965. P. 144.*
10. *Trubetskaya E.N. Encyclopedia of Law. SPb.: Doe, 1999. 66 p.*
11. *Strauss L. Natural law and history. M.: Aquarius, 2007. P. 8.*
12. *Jellinek G. The socio-ethical meaning of law, untruth and punishment. M., 1910. P. 48.*
13. *Russian criminal law. Lecture course. T. 1. Crime / edited by A.I. Korobeyeva. Vladivostok, 1999. P. 78–79.*
14. *Kladkov A.V. Implementation of the principle of justice in criminal law. A collection of articles on the materials of 11 international scientific and practical conference «Five Years of Action of the Criminal Code of the Russian Federation: Results and Prospects». M., 2003. 117 p.*
15. *Criminal law. The total part. Academic course in 10 volumes. T. 2. System, sources and structure of criminal law. Principles of criminal law / edited by N.A. Lopashenko. M.: Yurlitinform, 2016. 498 p.*

16. *Августин Блаженный*. О граде Божиим. Кн. 1-13. СПб.; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 150 с.
17. *Бачинин В.А.* Мистерия гуманитарной аномии. Киев: Книгоноша, 2014. С. 97.
18. Что дала октябрьская революция работнице и крестьянке // Историк. 2018. № 5. С. 27.
19. Неподкупный и безжалостный // Дилетант. 2019. № 044, август. С. 20.
20. Как могла сложиться история России, если бы декабристы взяли власть // История. 2019. № 6. С. 42.
21. *Мишель Монтень*. Опыты. М.: Эксмо, 2015. С. 211.
22. Уголовное право на современном этапе: проблема преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева, В.К. Глистина, В.В. Орехова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. С. 80.
23. *Ферри Э.* Уголовная социология. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 391.
24. *Лесков Н.С.* Собр. соч. в 5-и т. Т. 3. М.: Правда, 1981. С. 394.
25. *Асмус В.Ф.* Кант. М.: Наука, 1983. 532 с.
26. *Раштон Дж. Ф.* Раса, эволюция и поведение. М.: Профит Стайл, 2018. С. 33.
27. *Восканян Р.О.* Взаимозависимые лица как угроза экономической безопасности // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 1. С. 24–28.
28. *Петрарка*. О средствах против превратностей судьбы. Саратов: Волга, 2016. С. 381.
16. *Augustine Blessed*. The hail of God. Кн. 1-13. St. Petersburg, Kiev. 1998. 150 p.
17. *Bachinin V.* Mystery of humanitarian anomaly. Kiev: A book, 2014. P. 97.
18. What the October Revolution gave to a worker and a peasant woman // Historian. 2018. № 5.
19. Incorruptible and ruthless // Amateur. 2019. № 4. august. P. 20.
20. How could the history of Russia have developed if the Decembrists had taken power // History. 2019. № 6.
21. *Michelle Montaigne*. Experiences. M.: Exmo, 2015.
22. Criminal law at the present stage: the problem of crime and punishment / edited by N.A. Belyaeva, V.K. Glystina, V.V. Orekhova. SPb., 1992. P. 80.
23. *Ferry E.* Criminal sociology. M.: INFRA-M. 2016. P. 391.
24. *Leskov N.S.* The collection is op. in 5 volumes. Vol. 3. M.: TRUTH, 1981. P. 394.
25. *Asmus V.F.* Kant. M.: Science, 1983. 532 p.
26. *Rushton J.P.* Race, evolution and behavior. M.: Profit Style, 2018.
27. *Voskanian R.O.* Interdependent persons are a threat to economic security // Problems of the theory and practice of management. 2019. № 1. P. 24–28.
28. *Petrarch*. On the means against the vicissitudes of fate. Saratov: Volga, 2016. P. 381.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 98%.

Статья поступила в редакцию 29.01.2021, принята к публикации 28.02.2021.
The article was recieved on 29.01.2021, accerted for publication 28.02.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Никита Георгиевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». E-mail: puasson2008@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ivanov Nikita Georgievbch, Dr Sci. (Law), Professor, Distinguished Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State University of Justice (RPA of the Russian Ministry of Justice). E-mail: puasson2008@yandex.ru